

Экзегетика Священного Писания в поэтической образности славяно-византийской гимнографии

Церковная поэзия долгое время оставалась загадкой. Предметом споров и недоумений был вопрос: является ли она поэзией вообще. *«Греки долгое время только чутьем догадывались, что, хотя церковные песнопения и не поэзия в обычном смысле (т.е. в смысле древнегреческой классической поэзии по правилам поэтической просодии), но и не обычная проза»*¹. Творцов церковных песнопений они называли *μελωδός* - певец, лирический поэт, *ψάλτης* - псалт, *ποιητής* - создатель, творец, поэт, - и этим невольно подтверждали положение, что церковные песнопения суть действительно поэзия. Исследования формы церковных песнопений, начавшие появляться с 30-х годов 19-го века в Греции и в Западной Европе, подтвердили, что *«гимнографы– истинные поэты»*².

Но при этом возникала иная проблема: как относится церковная поэзия к своим предшественникам, особенно к поэзии греческой классической. *«Церковная поэзия, - говорит проф. А. А. Васильев, - возникла из новых принципов христианской религии... Отличительным признаком ее был полный разрыв по форме и по содержанию с греческой традицией. Эта поэзия считала недостойным подражать древним образцам, она облекла новые предметы в новые формы»*³. С этим был вполне согласен и прот. Владимир Рыбаков, автор книги о прп. Иосифе Песнописце. Справедливо отметив, что гимнография в значительной степени включала в себя и ближневосточный элемент, он утверждал, что *«в основу церковной поэзии было положено новое ритмическое строение стиха»* и что, наряду с новым содержанием, это в корне отличало ее от поэзии античной.

Однако, имеется и иная точка зрения. С. С. Аверинцев, напр., не без основания полагал, что ранневизантийская литература, в частности гимнография, не могла не воспользоваться тщательно разработанным до нее поэтическим инструментарием⁴. Движимая Духом Святым, заключающая в себе принципиально новое - христианское - содержание, византийская церковная поэзия в полной мере воспользовалась античными риторическими фигурами, которые отличают поэтическую речь от прозаической, возвышенную ораторскую - от обыденной. Список этих фигур **σχήματα - фигуры смысла и фигуры слова, а также учение о сочетании слов (периоде)**, - имеется уже в

¹ Прот. Владимир Рыбаков. Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность. М. : Русская книга, 2002. С. 363.

² Там же. С. 363, 620.

³ Васильев А. А. О греческих церковных песнопениях // Византийский временник, 1896. С. 583-584.

⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Спб., 2004.

«Риторике» Аристотеля, в произведениях Квинтилиана и Цицерона. Многие из этих фигур являются принадлежностью и поэзии новейшего времени. Естественно, церковная поэзия пользуется этим поэтическим наследием по своим, только ей присущим законам, воплощая их в каждом из своих, условно говоря, жанров – каноне, акафисте, стихирах и проч.

Отдавая себе отчет, что русская гимнография в значительной степени отличается от переводной греческой как по форме, так и по содержанию⁵, мы все же хотели бы обратить внимание на то, что современные русские гимнографические творения должны хоть в малой степени соответствовать своему предназначению – быть церковной поэзией. Необходимо четко определить границы последней, и иметь решимость утверждать, что вновь написанное произведение, не обладающее признаками церковной поэзии (ритмом, системой традиционных образов, построением фразы, и проч), не расширяет ее границы, но выходит за них, и, соответственно, к гимнографии уже не относится.

А для этого следует уделять больше внимания **изучению поэтики нашего гимнографического наследия как переводного, так и исконно русского**, причем, не только по древним памятникам (таких работ много), но и по современным богослужебным текстам. Это позволит выявить, в чем своеобразие русской гимнографии, т. е. что же в русском гимнографическом творчестве продолжает византийскую традицию, а что является оригинально русским. Подобных работ явно недостаточно, и даже в греческой гимнологии рассматриваются скорее общие вопросы византийской поэтики, чем подробное их и частное воплощение⁶.

В нашем докладе мы рассмотрим один из частных вопросов поэтики славяно-византийской гимнографии, - то, как **вплетаются** в ее **образную ткань** одна из аллюзий на Священное Писание, как объясняется ее смысл и как искусно она переплетается с другими отрывками из Ветхого и Нового Заветов. Речь пойдет о пророчестве Аввакума (*Авв 3.15*).

Звучит оно так:

И́ навѣлѣхъ ѣсѣ на морѣ кони твоѣ, смѣцѣющыя бѣды многѣ. *Авв 3.15.*

Сравним два гимнографических текста, где оно упоминается.

Первый текст - ирмос четвертой песни канона поемого на повечерии Предпразднства Богоявления 5 января, являющийся перефразом ирмосов канона Великой Субботы «*Волною морскою...*».

Вѣже ко крещѣнію твое пришегтѣе провѣда ѡбѣкѣмъ, оубѣдѣи бопіаше: на		Τὴν πρὸς τὸ Βάπτισμα σου ἔλευσιν, προορῶν Ἀββακούμ, ἐξεστῆκῶς ἐβόα.
---	--	--

⁵ См. *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М., 2008. С. 3-5.

⁶ Из последних работ можно упомянуть о двухтомнике Ἀλέξανδρος Σ. Κορακίδης. Βυζαντινὴ Ὑμνογραφία. Τόμ. Α'. Ὑμνογραφία καὶ Ρητορικὴ. Ἀθήνα, 2006.

море кони твои, воды многы навелъ єи, |
спее, смѣлющыи.
5 января. Предпразднство
Просвещения.
Песнь 4. Ирмос.

Εἰς θάλασσαν τοὺς ἵππους σου,
ὕδατα πολλά, ἐπεβίβασας Σῶτερ
διαταράσσοντας.

Перевод на русский язык этого ирмоса таков: *Аввакум, провидящий Твое пришествие ко Крещению, в священном ужасе* (букв.: *ужаснувшись, изумившись*) *взывал: «Спасе, Ты навёл на море Твоих коней, возмущающих многие воды».*

Несмотря на перевод, этот ирмос остается весьма загадочным, и человек, не знакомый со Священным Писанием и его толкованиями, недостаточно знающий и православное богослужение, вряд ли сможет его понять.

В этом переводе есть две лексические особенности. Во-первых, это глагол *навелъ єи*, которому в греческом оригинале соответствует *ἐπεβίβασας*. Греческий глагол *ἐπιβιβάζω* в основном обозначает *сажать кого-либо на что-либо*, напр., *на вьючное животное, грузить на корабль*. Лампе в своем Словаре Патристики приводит следующие примеры с этой лексемой: *сажать на престол (епископа) или устанавливать монархию*⁷. В Евангелии эта лексема встречается, например, в описании входа Господня во Иерусалим: *и возбѣгше рѣзвы евои на жребѣ, владѣши ѿна* (*ἐπεβίβασαν τὸν Ἰησοῦν*) *Лк 19. 35*. По толкованию на Евангелие, вход Господень во Иерусалим верхом на осляти означает победу Евангельского благовествования над языческими непокорными народами. «Восседание Господа на осле было и образом будущего. Животное это, по закону нечистое, было образом нечистого народа из язычников, на котором Иисус, Слово Божие, восседает, подчиняя себе этот непокорный и грубый, наподобие осла, новый народ, который Он и возводит в истинный Иерусалим после того, как он стал ручным и покорным Ему»⁸.

Итак, глагол *ἐπιβιβάζω* имеет смысл не просто *восседания на чем-либо*, но *покорения* кого- или чего-либо *силой, власти* над кем-либо. В этом смысле

⁷ Lampe, G.W.H. A Patristic Greek Lexicon, Oxford, 1961. С. 517.

⁸ Феофилакт, архиеп. Болгарский, блаж. Благовестник. Толкование на свв. Евангелия. Спб. Б. г. С. 663.

славянское *наѡѣлѣзъ ѡгнѣ*⁹ в данном контексте недостаточно полно передает семантику греческого глагола, что, впрочем, в свою очередь обусловлено тем же контекстом.

Еще одна интересная лексема в ирмосе – это причастие *εμβύζιον* - *διατάρσσοντας*. В греческом оригинале оно представляет собою высшую степень действия от глагола *τάρσσω* – *волновать, вздымать* (напр., *морские волны*); *взрыхлять, вспахивать (землю)*; а также *потрясать, мутить, приводить в смятение, смущать, тревожить*¹⁰. Таким образом, семантика глагола одновременно включает в себя и конкретный смысл – *вздымать волны на море*, - и абстрактный, – *приводить в смущение, в движение, тревожить, нарушать спокойствие*.

О каких же конях говорится в этом ирмосе да и в самом пророчестве?

Кони, которых Господь наводит на море, чтобы это море силой *покорить* и одновременно произвести на нём великое *волнение*, – символически изображает апостольский подвиг Христовых учеников, которые, исполняя Божие повеление и руководимые Им, со всею ревностью ринулись *в море языческого многобожия*¹¹. Приведя его *в смятение*, они нарушили его былое спокойствие.

Итак, в ирмосе четвертой песни канона, посвященной пророку Аввакуму, почти дословно цитируется Священное Писание, - откровение, которое получил от Бога ветхозаветный пророк. Однако толкования этого пророчества в ирмосе нет.

Второй текст. То же пророчество, но уже с толкованием, повторяется и в службе пророку Аввакуму (2 декабря), а именно в стихире на Господи воззвах:

На бжѣтвеннѣи столѣ стѣлѣжн, * четнѣи ѡбѡвѣдѣннѣи * слышаше чѣинство * кз нѡмѣ
твоегѡ пришествѣѡ, хрѣтѣ, неизречѣнное: * ѡ проповѣданіе твое * прѡрочествоветѣ ѡбѣтвеннѣише,
* провѣдѡ ѡ премѡдрѡмѣ ѡплѣ, ѡкоже конн, * ѡзѡмѣннѣише, * возмѣщѡщѣи
мѡре.

Новейший комментатор Книги пророка Аввакума, упоминая и эту стихирю, говорит о том, что «с столь возвышенными учениями пророк как бы выступает за грань

⁹ В рассматриваемых нами текстах греч. *ἐμβύζιον* соответствует славянскому *наѡѣлѣзъ*, и только в одном случае - *вѡѣлѣзъ*.

¹⁰ Дворецкий И.Х. Цит. соч.

¹¹ В русле толкования как на пророчество Аввакума, так и на его перефразы в гимнографии, можно предположить, что образ *многих вод (вѡды мнѡги)* также не случаен и указывает либо на *языков* (т.е. *язычников*) *многоплеменных*, либо на их *многобожие*.

Ветхого Завета и духом вступает в область уже Нового Завета. И Православная Церковь усматривает в книге пророка Аввакума особенно ясное пророчество о грядущем Христе Спасителе»¹².

Эти два богослужебных текста почти противоположны по степени их толкования и, соответственно, понятности, но сходны в одном. **Они совершенно лишены поэтических образов.**

Однако, пророчество об апостольском подвиге учеников Христовых, а также более или менее ясное его толкование, вошло во многие богослужебные тексты, посвященные, в основном, прославлению апостолов. Часто это именно 4-я песнь канона, посвященная пророку Аввакуму. И здесь толкование пророческого откровения окружено поэтическими образами, привносящими в него дополнительные детали и подчас **превращающими реальное пророческое видение в поэтическую метафору.**

В самом раннем из известных нам текстов - ирмосе 4-й песни канона службы Собора св. архистратига Михаила и прочих Сил Безплотных (8 ноября, автор прп. Иоанн Дамаскин 8 в.), вошедшем во многие каноны других служб, пророчество Аввакума приводится лишь наполовину - о море здесь не упомянуто совсем.

Всѣлз ѿсѣ¹³ на кони, ѿплы твоѡ, гдѣ, ѿ прѣѡлз ѿсѣ рѡкѡма твоѡма оуздѡи ѿхъ, ѿ спасѣнїе бысть ѣждѣнїе твоѡ вѣрнѡ поющымъ: слава силѣ твоѡй, гдѣ.¹⁴

Интересно, что по образцу этого ирмоса 4-й песни построен и тропарь 4-й песни канона святым Небесным Силам Безплотным преподобного Иоанна Дамаскина:

Всѣлз ѿсѣ на ѡгглы, ѡкоже на кони, ѡвѣколѡбче, прѣѡлз ѿсѣ рѡкѡю твоѡю броздѡи ѿхъ, ѿ спасѣнїе бысть ѣждѣнїе твоѡ непрѣстѡннѡ вопїющымъ: слава силѣ твоѡй, гдѣ.¹⁵

Однако, не во всех текстах столь прямо объясняются слова пророка Аввакума о

¹² Глаголев А. *свящ.* Книга пророка Аввакума // Толковая Библия, изд. преемников А. П. Лопухина. Стокгольм, 1987. Ч. 2. Репр. Т. 7. Спб., 1910. С. 299-326, здесь с. 304.

¹³ Греч.: ѡπέρης. Среди многочисленных значений греч. ѡπέρησιν: входить, вступать; в(о)сходить, подниматься, взбираться; подниматься, *т. е.* садиться (на коней).

¹⁴ 8 ноября. Собор св. архистратига Михаила и прочих Безплотных Сил. П. 4. Ирмос; 14 апреля (греч. 13 апр.). Свт. Мартина, папы Римского исповедника; Свв. Первоверх. апп. Петра и Павла. П. 4. Ирмос; 23 сент. Свт. Иннокентия ап. Сибири и Америки. П. 4 Ирмос; в греч. 18 окт. св. ап. Луке. П. 4. Ирмос (в слав. Минее отсутствует).

¹⁵ 8 ноября. Собор св. архистратига Михаила и прочих Безплотных Сил. П. 4. Тропарь.

конях как о Христовых апостолах. Часто создается впечатление, что **гимнотворец твердо уверен, что все знакомы с ветхозаветным пророчеством, что пояснять его нет необходимости, и поэтому сразу переходит к иному образному ряду, построенному уже на его толковании.**

Например, в тропаре Октоиха 4-го гласа (автор прп. Феофан Начертанный, 9 в.) для человека, не знакомого с пророчеством, не совсем ясно, что подразумевается под образом *коней*:

Набѣлз ѿсн на морѣ кони твоѣ избранныа, члѣвколюбче, словѣрїа боды возмѣщяющыа, ѿ крѣмз рѣзѣмз твоѣй истинный возвѣщяющыа.¹⁶

То, что кони – это апостолы, - не объяснено. Образ *моря* тут оказывается более понятным, ибо говорится, что у моря – *зловерия воды*. Впрочем, дальнейшее повествование не продолжает этой образной системы, а сразу переходит на ее **семантику**, т. е. **на толкование пророчества**, а именно: *апостолы возвещают всем истинное познание о Боге*.

В тропаре 8-й песни канона свв. апостолам Варфоломею и Варнаве (автор прп. Иосиф 9 в.¹⁷) ясно сказано, что Господь как Благодетель наводит=насаждает Своих коней на морѣ *языческое* (букв. *море языков* θάλασσαν ἑθνῶν), чтобы его *возмутить*. То, что под конями подразумеваются апостолы, понятно из контекста.

Морѣ *языческое* возмѣтити, твоѣ кони ѿкв блгодѣтель набѣлз ѿсн, влнѣлѣ славнаго ѿ павла чюднаго прелесть многобожнѣю, оученьми, жнвколюбче, блгочестїа ѿгонящыа.¹⁸

Получается, что здесь, как и в текстах, рассмотренных ранее, повествование строится не на образах *коней* и *моря* как таковых, но уже на их **интерпретации**, т.е. **толковании**:

кони – это апостолы

¹⁶ Октоих. Глас 4. Четверг утра. Песнь 4.

¹⁷ Архиеп. Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой Церкви. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 300; Прот. Владимир Рыбаков. Указ. соч. С. 240, 320.

¹⁸ 11 июня. Свв. апостол Варфоломея и Варнавы. Песнь 8.

море – это языческое многобожие

⇒ апостолы *просвещают* язычников и своими учениями отгоняют прелесть языческого многобожия.

Иными словами, ни на образе **коней**, ни на образе **моря** гимнотворец **не строит метафор**.

В текстах, которые мы рассмотрим далее, образ **коней** также не получил своего метафорического развития. В некоторых из них он представляется весьма статичным, малопонятным и даже несколько искусственным. Впрочем, имеются и редкие исключения.

В тропаре священномученику и апостолу Иакову гимнотворец (прп. Феофан Начертанный 9 в.¹⁹) пытается развить образ коней метафорически – апостолы *привлекают* язычников к познанию Бога, как если бы кто-то из утопающих в пучине ложной веры ухватился за конскую узду и был таким образом *извлечен* (букв.: *выволочен*) из морских волн.

Вѣѣлъ ѿнѣ въ морѣ твоѣ конн, ѿплы, спсе, ѿ прѣсвѣтнѣша ѿзыки, къ твоємѹ познѣнїю привлѣкше, вѣко.²⁰

Славянскому привлѣкше – соответствует греч. ἑλκύσαντες. Среди многочисленных значений греч. ἑλκύω=ἑλκω имеются как буквальные - *тянуть, тащить, волочить; вытаскивать*, так и переносно-абстрактные - *притягивать, привлекать*. Так и в русских словах «влечение», «привлекательный» ясно просматривается их связь с конкретными однокоренными понятиями «влачить», «волочь» и т.п.

Подобный же текст встречается и в Октоихе первого гласа. Апостолы здесь еще яснее изображаются как кони, *привлекшие* (букв.: *привлачившие*) людей к пристанищу божественного спасения, *извлекше* их из морской глубины безбожия.

Трѣбы хрѣтѣвы бѣгогѣныа, въ пѣснехъ да почтѣмъ вѣрнѣи прѣмѣдрыа ѿплы, конн, возмѣтнѣшыа везбожіа морѣ, ѿ привлѣкшыа ѿкъ ѿз глѣбннѣи чѣловѣки, къ бжѣстѣнномѹ спсѣнїа пристѣнницѹ, бѣгодѣтїю дхл.²¹

Что же касается символа **моря**, то для поэтической образности он оказывается гораздо более продуктивным. Море – темная стихия, традиционный символ крайней

¹⁹ Надписан, а также: Архиеп. Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 266.

²⁰ 23 октября. Св. апостола Иакова, брата Божия. П.4.

²¹ Октоих. Глас 1. Четверг утро. Седаьны по стихире.

неустойчивости и шатания, метафорически изображающий человеческие страсти и житейские заботы, а также колеблющуюся непрочность неправой веры.

Характерное свойство моря – **соленость**, или **горечь** его воды, может реализоваться в метафорическом образе как в положительном, так и в отрицательном смысле.

В каноне св. апостола Матфию (автор прп. Феофан Начертанный²²) пророческий символ *моря* распространяется, образуя метафоры: *море жития*, *горькие воды многобожия* (ср. ранее: *словѣрїѧ воды*) . Признак моря – его *солёность* – в образной системе тропаря подаётся как *горечь* с отрицательной оценкой. Пророческий символ : *апостолы – кони* предстаёт здесь как сравнение, – Господь наводит апостола на это море, *словно коня*.

Наведе́ тѧ гдѣ на мо́ре жнѣтїѧ, премѡдре, ѣкоже конѧ смѡщїица многѡбожїѧ гѡрькїѧ
воды.²³

В тропаре четвертой песни утреннего канона 2-го гласа (прп. Феофана Начертанного²⁴) образ *мирского моря* распространяется еще одним отрицательным эпитетом: его воды – *воды неверствия*, и они *сланые и горькие*.

На мо́ре мїрское навелѧ є̀нѣ вѣхъ, ѣкѡ конѧ члѣвѣколюбче, слѧвныѧ ѧпѡлы твоѧ, тогѡ
возмѡщїицыѧ слѧныѧ невѣрствїѧ гѡрькїѧ воды.

Εἰς θάλασσαν κοσμικήν, ἐπεβίβασας ἅπαντας, ὡς ἵππους φιλόανθρωπε, τοὺς εὐκλεεῖς
Ἀποστόλους σου, ταύτης συνταράσσοντας, τῆς ἀλμυρᾶς ἀπιστίας πικρὰ ὕδατα.²⁵

Нами рассмотрено несколько гимнографических текстов, содержащих в себе толкование пророка Аввакума, где кони – символ Христовых апостолов, а море, на которое наводит их Сам Христос Бог, - символ языческого многобожия=зловерия=неверия и т.п. Перечислим еще раз эпитеты этого моря: словѣрїѧ воды, безбожїѧ море, море жнѣтїѧ, у которого многѡбожїѧ гѡрькїѧ воды; море мїрское, у которого слѧныѧ невѣрствїѧ гѡрькїѧ
воды.

На первый взгляд этот образный ряд принадлежит только поэтическому

²² Надписан.

²³ 9 августа. Св. апостола Матфия. Песнь 4.

²⁴ Надписан.

²⁵ Октоих. Глас 2. Четверг утро. Канон свв. апостолом. Песнь 4.

толкованию Аввакумова пророчества. Однако, богослужebные тексты убеждают нас в обратном. Приведем лишь некоторые из них.

Море безбожіа нзвѣшилз єси, вѣмѣдѣ (22 сентябрь св. свѣщмч. Фоки, еп. Синопийскаго. Утр. канон. П. 6. Автор прп. Иосиф).

Ѣгда явленіемз твоимз просвѣтилз єси всѣчелла, тогда сланое невѣрїа море побѣже, и іорданз, долѣ текїи, возвратїса ... (6 янв. Св. Богоявление. Ипакои. гл. 5).

Вроекѣ твоихз кїпллми сланое невѣрїа море потопїлз єси, (10 февр. Прпмч. Харалампїа. П.1).

Источїи ѡзыкз твоїи, якоже рѣкѣ, жїзни источїники, и гворїкїа воды прелѣстныа нзвѣшил, слабне. (28 апр. Свв. апп. Иасона и Сосипатра. Канон апостолов. П. 3. Творение Иосифово).

Водѣ почерпїте жїзни, се нынѣ прїиде мїра рѣкѣ истиннѣ, нзвѣшилти мѣстныа невѣрїа воды, (5 янв. Предпразднство Просвещения. Канон Предпразднства. П. 4. Автор прп. Иосиф).

Сланыа безчїдствѣющыа єлїссїи исцѣлѣа воды, бл҃гочїдїе чистныа кѣпѣли провѣрзїи (Там же. П.7).

Итак, образная система поэтического толкования пророчества Аввакума далеко выходит за рамки текстов, содержащих это пророчество, а точнее – она никогда и не была заключена в этих рамках. Эти образы, подобно кусочкам мозаики, в разных сочетаниях образуют самые различные изображения, - или подобно драгоценным нитям, пронизывают ткань гимнографии, образуя как бы единое драгоценное полотно.

Но вернемся к пророчеству о Христовых апостолах и его толкованию.

Рассмотрим тропарь 4-й песни утреннего канона св. апостолу и евангелисту Луке.

Море ѡзыкѣвз смѣтилз єси, б҃гомѣдѣ, конь бывз всецрѣа, слабное невѣрствїе солїю бж҃твенноу ѡслаждїа, принослабне ²⁶.

²⁶ 18 октября. Св. апостола и евангелиста Луки. Песнь 4.

Несомненно, в данном тексте словосочетание *сѣбное невѣрствѣе* является ошибкой вместо традиционного *сѣное невѣрствѣе* (ср. выше: *сѣныа невѣрствѣа горькѣа вѣды*). В современной греческой Минее этот канон отсутствует²⁷, однако в другом каноне св. апостола и евангелисту Луке, не вошедшем в состав современной греческой Минее, на месте славянского *сѣбное невѣрствѣе* действительно стоит *τὴν ἄλμυράν ἀπιστίαν*, т. е. *сѣное невѣрствѣе*.²⁸

Итак, в этом тропаре святой апостол и евангелист Лука *сланое* (т.е. *соленое=горькое*) языческое неверствие ослаждает (делает сладким²⁹) *божественною солью*, что является аллюзией на евангельский символ соли - Христова учения и Христовых учеников: *Въ ѿчѣ соль земли: ѿче же соль ѡбѣщѣтъ, чѣмъ ѡсолѣтъ; Мф. 5.13*. Неожиданный образ: *соль* божественного учения именно *ослаждает соль-горечь* учения ложного, – очень удачен, особенно если принять во внимание, что «соль» и «сладость» – слова одного происхождения.

Из праслав. * *soldъ-къ*. Рус. *солодкий*, диал., южн., зап. (Даль), укр. *солѳдкий*, брл. *солѳдки*, ст.-слав. *сладъкъ*, болг. *сладък*. Далее сюда же «соль». Первоначальное значение было: «солѣный, вкусный, пряный». *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 713.

Словосочетание «соль ослаждает» - прежде всего оксюморон, - сочетание противоположностей, характерное для поэтики славяно-византийской гимнографии. Корневая общность этих двух лексем (соль и сладость), имеющаяся именно в славянском тексте, практически не видна, ибо в современном русском языке она уже утрачена и восстанавливается только этимологически. Если она как-то и даёт о себе знать, то на подсознательном уровне, и от этого поэтический образ (благодаря заложенной в нем аллитерации!) становится еще более ярким. Лингвистическое явление, когда из одного корня произрастают два *противоположных* понятия, - встречается, как известно, во всех языках, напр., в русском - «начало» и «конец», «трава» (еда) и «отрава» и т.п.

²⁷ Интересно, что в славянской Минее в свою очередь нет того ирмоса 4-й песни, который присутствует здесь в греческой Минее и рассмотрен нами ранее как часто употребляющийся в других службах: *Вѣкъ ѿ на коннѣ, ѿплы твоѣ, гдѣ, ѿ прѣлз ѿ рѣкѣа твоѣа ѡзды ѿхъ, ѿ сплѣнѣе вѣгыть вѣждѣнѣе твоѣе вѣрнѣ поущымъ: сѣва сѣлѣ твоѣй, гдѣ.*

²⁸ Благодарю за это сведение о. диакона Максима Плякина, - *Н. А.*

²⁹ Ср.: *ослаждати* – церк.: *Делать сладким*. Горесть древле ослаждая, Моисей избави Израиля. Мин. Сент. 17. - Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Имп. Ак. Наук. Спб., 2001. Кн. 2. Репр.: Спб., 1847. Т. 3. С. 83.

В следующем тексте, – стихире на стиховне из службы святому апостолу Андрею Первозванному, – этот образ развивается еще дальше, достаточно причудливо сочетаясь (а точнее - не сочетаясь, а сопрягаясь) с другими символами-аллюзиями из Ветхого и Нового Завета.

Гѣзыки, невѣдѣщыа бѣа, ѣакѡ нѣз глѣбны невѣдѣнїа оуловїаѣ ѣсн мрежею твоюхъ
словесъ: нѣ возмѣщїешн ѣвѣ слїнаа морѣа, конь храбрѣнїшїй ѣвнїа ѣсн владычествѣющагѡ
моремъ, принопѣваемїй, нѣ гнїлостъ безбожїа нѣзѣшїа ѣсн, соль четнѣю вложнѣ
мѣдростъ твою, ѣнже нѣ оуднѣшася, ѣпле славне, ѡвѣдѣшїей мѣдростн безстѣднѣ
прибоающїиася, хрїста не вѣдѣще подлїоцагѡ мїрѡ вѣлю мнлостъ.³⁰

Можно сказать, что на символе **моря** в этой стихире построено по меньшей мере три метафоры. И, как было упомянуто выше, они друг с другом не сочетаются, но сопрягаются подобно однородным членам в предложении.

Первая метафора, достаточно независимая от контекста, – это традиционное сравнение апостола с ловцом человеков, восходящее к словам Самого Христа (ср. *Мф 4. 19*): апостол сетью-мрежею своих словес улавливает язычников, извлекая их из *бездны=морской пучины=безмерной глубины* их неведения.

Гѣзыки, невѣдѣщыа бѣа, ѣакѡ нѣз глѣбны невѣдѣнїа оуловїаѣ ѣсн мрежею твоюхъ
словесъ:

Этот и подобные образы встречаются в гимнографии достаточно часто. Вот, например, стихира апостолам из службы Октоиха 4-го гласа:

Хрїтоверїзну распротѣршн мрежѡ вѣры, двенадесѣтнїца бжїетвенныхъ ѣплѡ твоюхъ,
вѣа ѣзыки оуловила ѣсть кз твоємѡ познїнїю хрїте: нѣ море слїное стѣстїей нѣзѣшнї.
сегѡ рїдн тѣа молїю, нѣз глѣбны прегрѣшїнїей воззовї ма, тѣхъ всеблгопрїѣтнїми
мольбаїми. (Октоих. Глас 4. Среда вечер. Стихира на Господи, воззвах).

³⁰ 30 ноября. Св. и всехвального апостола Андрея Первозванного. Стихира на стиховне.

Эта стихира совсем не связана с пророчеством Аввакума. Однако, образ: *моресланое страстей* (подразумевается – языческих), которое *иссушают* апостолы, – вполне помещается в рассматриваемый нами контекст.

Вторая метафора – перефраз пророчества Аввакума, аналоги которому во множестве были приведены выше.

н возмѣщѣши гвѣ слѣна морѣ, конь хрѣбрѣйшій гвѣнѣа ѣн владѣчествѣющагѣ
моремѣ, пригнопѣваемѣй,

И, наконец, третья метафора, построена на образе моря и развивает признак его *солености*. Прежде всего это *честная соль* божественной мудрости. Гимнотворец, обращаясь к святому, говорит: н возмѣщѣши гвѣ слѣна морѣ <...> гнилость безбожіа нзѣшнѣа ѣн, соль честнѣю вложнѣа³¹ мѣдрость твою, ѣнже н оуднѣшнѣа,³² апле слѣне, обуѣвшей мѣдрости безстѣднѣа пригнопѣющнѣа³³.

В переводе: «О, славный апостоле, ты поистине (=явственно) возмущаешь соленые моря <...> ты иссушил гнилость безбожия, вложив (=вметнув) [в эти моря] твою мудрость как честную соль, которой и были потрясены бесстыдно упорствующие в *обуѣвшей* мудрости».

Словосочетание *обуѣвшая мудрость* не поддается переводу на русский язык, ибо является прямой аллюзией на цитированный выше евангельский текст – слова Спасителя об *обуѣвшей соли*. «Обуѣвшая мудрость» – это лжемудрость безбожия, и она противопоставлена здесь божественной мудрости апостола, которая есть «честная соль». Следовательно, «обуѣвшая мудрость» – это одновременно и «обезумевшая мудрость», и «соль, потерявшая свою силу». (Ср. греч. μοραίνω одновременно означает: и «*быть глупым, поступать безрассудно, сходить с ума*», и «*терять силу или вкус, выдыхаться*»).

В этом контексте словосочетание слѣна морѣ ἄλμυρὰς θαλάσσης выглядит как принадлежность иного семантического ряда, ибо плохо согласуется с тем, что апостол евангельской мудростью, как *солью*, *иссушает гнилость* безбожия этих *морей*. Впрочем,

³¹ вложнѣа – греч. ἐμβάλλω. Глагол ἐμβάλλω помимо прочих многочисленных значений имеет семантику: *бросать, кидать, сбрасывать (во что-л.); вкладывать*.

³² оуднѣшнѣа – греч. καταπλήσσει от καταπλήσσω: 1) поражать, подавлять, угнетать, смущать. 2) производить (сильное) впечатление, потрясать.

³³ ἀντέχομενοι. Греч. ἀντέχομαι – держаться, придерживаться, перен. упорствовать в чем-либо.

если домыслить этот образ, то можно предположить такое его поэтическое развитие: *сланя моря* – суть *горькие моря* языческого неведения истинного Бога, и они тоже противопоставлены *честной соли* учения апостола Христова. Ибо в них – *обуявшая мудрость* – следовательно, и *обуявшая соль*, т. е. обезумевшая и утратившая свою соленость. И вот эту *обуявшую соль* морей ложной веры, которая на самом деле уже *не соль*, а *гнилость безбожия*, и *осоляет истинная соль* божественного учения. Иными словами, если в тропаре св. апостолу и евангелисту Луке соль истинной веры *ослаждает соль-горечь* неверствия, то в стихире св. апостолу Андрею Первозванному соль истинной веры *осоляет* и *иссушает* обуявшую *соль-гнилость* безбожия.

Итак, в стихире св. апостолу Андрею Первозванному имеются следующие образы-антитезы:

обуявшая мудрость	честная соль мудрости познания Бога
сланые моря (в которых обуявшая соль)	
гнилость безбожия	

Казалось бы, рассмотренная нами стихира св. апостолу Андрею Первозванному уникальна, также как и оксюморон «сладкая соль» в тропаре канона св. апостолу Луке. Однако это не так. Приведем далеко не полный ряд примеров с этим образом, а точнее с теми антитезами, которые он составляет. Отметим, что эти тексты прямой связи с поэтическим толкованием пророчества о конях-апостолах не имеют, развивая совсем иную образную «мелодию».

**Антитезы: гнилость – соль, сладость – соль,
не связанные с пророчеством Аввакума.**

Жнрѣицѣю безбожіа гнілостѣ, благочестнѣвыхъ исполнѣніе, о҃г҃стѣвилѣ є҃нѣ сладкою солію
словѣсѣзъ твоихъ...

Неμομένην ἀθεΐας τὴν σηπεδόνα τῶν εὐσεδῶν τὸ πλήρωμα, ἔστησας νοστήμιω ἄλατι
τῶν λόγων σου, (19 февр. Св. ап. Архиппа. Канон. П. 4. Прп. Иосиф [подписано]).

Из приведенного выше и последующих текстов явствует, что оксюморон **сладкая соль** – создание творческого гения славянского переводчика, ибо в греческом языке славянскому «сладкий» соответствует νόστιμος - свежий, сочный, приятный на вкус³⁴.

Ὁὔριτάβηλζ ἐνὶ γηοένιῃε βεζκόβѣѡ, εἰλάκηνζ τβονήζз словѣзз бѣѣтвенноу рѡлію,

Ἔστησας σηπεδόνα ἀθεΐας, νοστίμων σου λόγων θεῖω ἄλατι (21 августа. Св. ап. Фаддея. П. 7. Прп. Иосиф [надписано])

Смердѡциѡ Ὁὔριτάβηλζ ἐнὶ слѡбы ѣзбѣѡ, ѣзбѣѡмиз, бѣѣженне, дѣшиз, εἰλάκѡу рѡлію бѣѣтвенныѣз словѣзз

Νεμομένην ἔστησας, κακίας τὴν πληγὴν, τῶν ἐθνῶν μάκαρ τὰς ψυχάς, τῷ νοστίμω ἄλατι, τῶν θεῶν λόγων σου (25 августа. Возвращение мощей св. ап. Варфоломея. Св. ап. Тита. Канон св. ап. Тита. П.5. Прп. Феофан [надписано])

Сладкѡу рѡлію τβонήζз, ἀμπλίε, ὀγένѣѣ, λέετι γνήλοετѣ ὠчнѣтнлζ ἐнὶ

Ἐν τῷ νοστίμω ἄλατι τῶν σῶν, Ἀμπλία διδαγμάτων, τῆς πλάνης σηπεδόνα, ἀπεκάθηρας (31 октября свв. апп. Стаху́я, Амплу́я и иже с ними. П.8. Прп. Иосиф [надписано])

Сѡль бѣѣтвенна ввѣрглѡа ἐнὶ, бѣѣженне, вѣ мѣрѣ, мѡтдѣѣ ἄпле, γнѡѣ прѣлеεтѣ ὠчнѣтнлζ εἰλάκннн ὀчѣнѣнн,

Ἄλας θεῖον ἐβλήθης, Μάκαρ εἰς τὸν κόσμον Ματθία Ἀπόστολε, σηπεδόνα πλάνης, ἐκκαθαίρων νοστίμοις διδάγμασιν, (9 авг. Св. ап. Матфия. Канон апостола. П. 5. Прп. Феофан [надписано]).

Многочисленные примеры, не содержащие аллюзии на пророчество св. Аввакума, можно привести и в отношении **противопоставления: соль божественного (апостольского) учения – буйство (юродство, неистовство)** многобожия или человеческих сердец.

Ὠβѣродѣѣшиε слѡбѡу, прεεἰλѣбне, чѣловѣчѣстѣѡ, εἰλάκѡу рѡлію нѣцѣлнлζ ἐнὶ словѣзз τβонήζз, нѣ пѣтн ὀвѣтнлζ ἐнὶ: прεпѣтнѣѣ ὠтцѣѣвѣ гдѣ нѣ бѣѣ, бѣѣгѡεѡкѣнѣз ἐнὶ.

Μωρανθεΐσαν, τὴ κακία παναοίδιμε, τὴν ἀνθρωπότητα, νοστίμω ἄλατι, ἰάσω τῶν λόγων του (25 авг. Возвращение мощей св. ап. Варфоломея. Канон св. ап. Варфоломея П.7. Прп. Иосиф [надписано в слав. Минее, в греч. Минее прп. Феофана])

³⁴ Этот образ можно встретить и у святых отцов, напр., у прп. Ефрема Сирина «Вкусная соль пророков разсыпается ныне среди народов; и нам да сообщится ею новый вкус, потому что обуял народ древний». *Св. Ефрем Сирин*. Песнопения на Рождество Христово. В кн.: *Св. Ефрем Сирин*. Творения. Т. 5. М., 1995. С. 109-110. - За это сведение благодарю иеродиакона Никона (Скаргу), - Н. А.

Ūbĕjrodĕbšlā slybĭmz gnŏemz čelovĕčsĭkā, āndronĭče, serdca, solĭo bĕjtĕbennŏu stāgnĕbz,
oŭčĕnĭn tĕoĭmĭn, ĩzlĭābšemĕlā slŏbz, ĩpasĭsmĭ predstābnĭz ĕĕn, tĕbĕljĕnne.

Νεμομένην κακίας σηπεδόνα, τῶν ἀνθρώπων Ἀνδρόνικε καρδίας, ἄλατι θεῖω ἔστησας
δογμάτων σου, καὶ τῷ κενωθέντι, Λόγῳ σωζομένης, παρέστησας τρισμάκαρ. (17 мая. Св. ап.
Андроника и иже с ним. Канон. П. 8. Прп. Иосиф [надписано])

Многoкoжнaгw нeнcтoвeтвa cŏgnĭtĭe wĕgnāwše, slŏbā solĭo bĕjtĕbennāgw dššy, slābnĭn,
wĕdāwššyā drĕvlē bĕā ŏzdrābnĕtĕ,

Πολυθέου μανίας, /τὴν σηπεδόνα σοβοῦντες,/ τοῦ λόγου ἄλατι θεῖω, / τὰς ψυχὰς ἔνδοξοι,
/τὰς μωρανθείσας ποτέ, /πάσας ὑγιώσατε, (8 апреля. Свв. апп. Иродиона, Агава, Асинкрита,
Руфа, Флегонта и Ерма. Канон. П.1. Прп. Иосиф [надписано])

Характерно, что в последних двух текстах два разных образа-антитезы символу соли – «гнилость» и «буйство» сопрягаются в единый образ «Ūbĕjrodĕbšlā slybĭmz gnŏemz čelovĕčsĭkā serdca» или «нeнcтoвeтвa cŏgnĭtĭe».

Еще более интересно, что греческое νεμομένην³⁵ в одном случае переведено славянским жнрѣюцѣю (Жнрѣюцѣю безбoжĭā гнĭлoстĕ, ... ŏstābnĭz ĕĕn ... Νεμομένην ἀθεΐας τὴν σηπεδόνα ... ἔστησας ...), в другом – cмepдāцѣю (Cмepдāцѣю ŏstābnĭz ĕĕn slŏbĭy ĭzĕbz ... Νεμομένην ἔστησας, κακίας τὴν πληγὴν...), а в третьем – Ūbĕjrodĕbšlā slybĭmz gnŏemz čelovĕčsĭkā serdca (в рус. переводе: «распространяющуюся (разъедающую) гнилость злобы сердца человеческого) стāgnĕbz ... Νεμομένην κακίας σηπεδόνα, τῶν ἀνθρώπων Ἀνδρόνικε καρδίας ... ἔστησας).

Иными словами, в последнем примере образ буйства-юродства как антипода соли здесь создал именно славянский переводчик, что свидетельствует о духовно-творческом осмыслении переводимых с греческого языка текстов и особенном желании быть как можно ближе к Священному Писанию.

Итак, в поэтическую ткань, созданную на основе аллюзии на пророчество Аввакума о Христовых апостолах, искусно вплетается еще одна аллюзия на Священное Писание – Евангелие от Матфея. Каким образом? Эта последняя аллюзия порождает свои поэтические метафоры-ассоциации. И вот эти **общие ассоциации** (море – соль – гнилость

³⁵ Греч. νέμω среди прочих многочисленных значений имеет следующие: *использовать в качестве пастбища; истреблять, уничтожать; есть, поедать; питаться чем-л.; разъесть, распространяться(о язве, пожаре и т. п.).*

и т.п.) как бы **переплетаются между собою, создавая новые поэтические образы, а также связывая обе аллюзии в единое целое.** Особенно искусно это получается у прп. Иосифа Песнописца, который, как писал прот. Владимир Рыбаков, «часто вставляет в свои тропари целые выражения из Священного Писания. Эти вставки так искусны, что кажутся действительно как бы «вотканными» ἐνυφασμέναι в целые произведения»³⁶. И далее: «Можно так выразиться, что все его (прп. Иосифа) песнопения насыщены церковно-библейским духом, церковно-библейскими выражениями»³⁷.

Славяно-византийская гимнография представляет собою единый поэтический контекст. Образы, которые были созданы предшественниками, развивались и пополнялись последователями, и чаще всего брались как некий постоянный материал³⁸. **Поэтому все эти образы связаны между собою, пронизаны словно связующими нитями как на уровне одной лексемы, так и на уровне словосочетания, а кроме того, и на уровне неких постоянных семантических единиц.**

Впрочем, если говорить об авторстве рассмотренных нами текстов, то большинство их принадлежит лишь двум песнопевцам – прп. Феофану Начертанному митр. Никейскому, и прп. Иосифу Песнописцу. Время их жизни и творчества – IX век, - эпоха окончательного формирования Минеи и традиционного заимствования образов гимнотворцами друг у друга. Но даже на фоне этой общей традиции исследователи отмечали необыкновенную близость поэтической манеры обоих гимнографов друг другу.

Духовная поэзия строится на образной системе, на поэтической метафоре, на «эховой» переключке образов в их сопоставлении и противопоставлении, на тончайших ассоциациях и аллитерациях и на многом многом другом. И именно церковнославянский язык, лексика которого основана **на корневом** принципе, сохраняющем прежде всего **конкретное** значение лексемы и ее **семантическую мотивировку**, с наибольшей точностью выражает образно-метафорическую природу церковной поэзии.

Поэтому в заключение хотелось бы поднять еще один вопрос – вопрос о так называемой «понятности» церковнославянского гимнографического наследия и о возможности его исправления. Мы увидели, как употребляется в контексте славяно-византийской гимнографии лишь несколько из множества постоянных ее образов. Если попробовать исправить, «облегчить» молящемуся восприятие текстов, включающих эти образы, произойдет непоправимое. Прежде всего **утратится конкретно-корневое устройство церковнославянского слова, являющееся основой и движущим фактором**

³⁶ Прот. Владимир Рыбаков. Указ. соч. С. 393

³⁷ Там же. С. 396.

³⁸ См. об этом: Прот. Владимир Рыбаков. Указ. соч. С. 355-356.

его метафоричности. Но это еще не всё. **Незримые связи-нити на самых разных лексико-семантических уровнях будут разорваны. Порвётся самая ткань гимнографии**, ведь не случайно святые поэты-гимнотворцы часто называли своё делание **ткачеством**³⁹. Но именно эта традиционная повторяемость, эта «мозаичность»⁴⁰ образов может служить и подспорьем для понимания смысла гимнографического текста, ибо, как мы убедились, то, о чем сказано лишь намёком и кратко в одном тексте, ясно и подробно раскрыто в другом.

Но и это еще не всё. Разрушение ткани славяно-византийской гимнографии в угоду ее мнимой «понятности» непременно должно привести к нарушению главного принципа перевода с греческого языка на церковнославянский, – его **пословности**. Пословность церковнославянского перевода не только является кирилло-мефодиевской традицией, бережно сохраняемой и последовательно восстанавливаемой всеми происходившими на Руси и в славянском мире книжными справками. Пословность перевода хранит ритм оригинала⁴¹, его образную систему, а также и все другие особенности текста, который является **текстом не прозаическим, а поэтическим**, где каждое слово на своем месте, и порядок слов обусловлен не только поэтическим даром богодухновенных гимнотворцев прошлого, но и многовековой традицией гимнографии как церковного искусства.

³⁹ Ср. у прп. Иоанна Дамаскина в Задостойнике Рождества Христова: *любѣѡиѣ же, дѣѡ, пѣѣни чкѣѣчи прѡтѣжѣннѡ слоѣжѣннѡ, недѣѡбно ѣѣтъ*. В рус. пер.: *ткать же стройно* (συντόμως - досл.: *напряжѣнно, в напряжѣнном труде, согласованно, созвучно*) *сложенные гимны, руководствуясь одною только любовию к Тебе, о Дево, - нелегко*.

⁴⁰ Об эстетическом и поэтическом принципе «мозаичности» по отношению к переводческому искусству древнерусских книжников, в науке было сказано не раз. Напр.: *Калиганов И. И.* Вопросы поэтики древнеболгарской литературы и литературные связи // В кн.: *Калиганов И. И.* Веков связующая нить (Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур). М., 2006. С. 74-75. *Мурьянов М. Ф.* Проблема критерия художественности в языке и поэтика гимнографии // В кн.: *Мурьянов М. Ф.* Гимнография Киевской Руси. М.: Наука, 2004. С. 138. Но принцип «мозаичности» правомерно отнести и к поэтике славяно-византийской гимнографии в целом.

⁴¹ «Пословность перевода ведет к неперемемному (механическому, т. е. даже не входившему в намерения переводчиков) воспроизводству поэтической формы оригинала». – *Верещагин Е. М.* Ильина Книга: Древнейший славянский богослужебный сборник. М., 2006. С. 421.